

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №3, Том 12 / 2021, No 3, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/17SCSK321.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Коморникова О.М. Человеческий капитал и социальные изменения // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/17SCSK321.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Komornikova O.M. (2021). Human capital and social change. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(12). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/17SCSK321.pdf> (in Russian)

УДК 316.42

ГРНТИ 04.51.53

Коморникова Ольга Михайловна

ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», Шадринск, Россия

Доцент кафедры «Филологии и социогуманитарных дисциплин»

Кандидат социологических наук

E-mail: olya.orexovo@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5048-3627>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=855666

Человеческий капитал и социальные изменения

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи человеческого капитала и социальных изменений. Отправной точкой для анализа стали различные концепции модернизации и трансформации. Исходя из специфики современного этапа развития общества, концепт трансформация представляется более уместным для осмысления процессов социальных изменений, поскольку он акцентирует внимание на качественных изменениях, появлении новых социальных образцов. Концепт модернизация менее приемлем, поскольку ориентирует на изменения по некой принятой шкале улучшений и может породить дополнительные противоречия в определении направленности социальных трансформаций.

Предпринята попытка рассмотреть с позиций системного подхода роль, выполняемую человеческим капиталом в определении направленности социальных изменений, эффективном функционировании их механизма.

Автор подчеркивает, что человеческий капитал не есть нечто новое, что необходимо создавать обществу с нуля. Разработка концептуальных основ его изучения началась не так давно, однако о характеристиках, которые составляют существо его содержания, говорят уже не одно столетие. Объективные изменения социальных отношений расширяют перечень этих характеристик.

Концепт человеческий капитал позволяет более точно обозначить направленность социальных изменений через конкретизацию качеств личности, необходимых для трансформации существующей системы отношений.

Его роль в механизме социальных изменений двойственна. Чаще всего о нем говорят как о ресурсе качественной трансформации, то есть без распространения на уровне масс определенных качеств личности трансформационные процессы могут стать невозможными. С другой стороны, уже явно обозначившие себя социальные изменения стимулируют развитие человеческого капитала и поддержание его качества.

Изучение данного феномена позволяет понять многоуровневость процесса социальных изменений, выявить установки, представления, препятствующие трансформации социальных структур, отношений на индивидуальном уровне.

Ключевые слова: социальные изменения; модернизация; трансформация; человеческий капитал; личность; ценности

Современное общество переживает трансформацию различных сфер социальной жизнедеятельности. Эти процессы проявляются в изменении способов организации жизни людей и решении жизненно важных задач, представлений о соотношении ценностей различных культур и значимых социальных качествах личности. Новые реалии стали предпосылкой роста научного интереса к человеческому капиталу и его роли в развитии общества. В данной работе мы акцентируем внимание на рассмотрении различных аспектов взаимосвязи человеческого капитала и социальных изменений, в частности, рассмотрим, какое влияние оказывает данный вид капитала на направленность изменений и их механизмы.

В современных научных работах, касающихся проблематики социальных изменений, довольно часто авторы обращаются к концепциям модернизации и трансформации. Анализ существующих подходов показал, что эти понятия не всегда четко разграничиваются и порой используются для обозначения одних и тех же социальных реалий.

П. Штомпка выделяет три смысловых контекста идеи модернизации. Первый — это движение общества вперед сообразно принятой шкале улучшений. Второй обозначает комплекс социальных трансформаций, происходивших на Западе в связи со становлением индустриального капиталистического общества. В третьем понимании модернизация имеет место в слаборазвитых странах, которые стремятся догнать ведущие мировые державы [1, с. 170–171]. Заметим, что первое и третье толкование пересекаются, поскольку стремление выйти на уровень ведущих держав также в какой-то мере предполагает следование заданным ими эталонам.

Одним из ключевых моментов в понимании модернизации является идея перехода к более передовым и современным социальным образцам. Это прослеживается и у П. Штомпки, и в работах отечественных авторов [2; 3]. При этом содержание понятия «модернизация» может ограничиваться, например, только прогрессивными социальными изменениями на пути к признанной модели современности [2].

Китайский ученый Хэ выделяет в мировой модернизации первичную и вторичную (с XVIII по конец XXI века). Первая означала переход от аграрной к промышленной цивилизации, а последняя — от индустриального к информационному обществу, от материальной культуры к экологической. Он подчеркивает, что со временем будут и другие модернизации. Они могут происходить как в передовых, так и отсталых странах¹. То есть модернизация — это качественные изменения при переходе к новому типу социокультурного уклада. Этот подход схож с одним из приведенных выше смысловых контекстов модернизации П. Штомпки, обозначаемый с помощью термина «трансформация».

Некоторые исследователи используют термин «трансформация» для описания модели догоняющего развития, например, стран Восточной Европы в посткоммунистический период. Здесь, по сути, подразумевается модернизация по признанной шкале улучшений, однако

¹ Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуаньци: пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина. — М.: Весь мир, 2011. — С. 44.

ориентированная на качественные изменения (переход от авторитарной политической системы к демократической, смена экономической модели).

Т.И. Заславская и М.А. Шабанова трансформационный процесс понимают как постепенное и относительно мирное и в тоже время глубокое и относительно быстрое преобразование социетального типа, вызванное не внешним воздействием, а внутренними потребностями системы [4, с. 5]. Такой подход также связывает трансформацию с качественными изменениями. Но здесь встает вопрос: как формируются внутренние потребности? Они могут быть обусловлены логикой национального развития, внешним воздействием, которое усиливается в условиях ослабления национальной идентичности или отторжения ее прежнего варианта. В последнем случае появляется некоторый социокультурный вакуум, происходит проникновение образцов извне. Кроме того, общепризнанные эталоны могут формировать потребности, осознаваемые как внутренние. Соответственно, даже трансформация, вызванная внутренними потребностями, может осуществляться сообразно представлениям общества об образцах и эталонах развития.

Трансформация рассматривается как приобретение обществом новых форм и содержания общественной жизни, ее институциональной сферы, норм, ценностей, ментальности и других социокультурных сторон социума [2]. Данный подход также явно говорит о качественных изменениях, но в нем уже нет акцента на необходимости следовать каким-то эталонам.

Трансформация выступает как более широкое явление по сравнению с модернизацией. Трансформационные процессы могут иметь своим результатом модернизацию (обновление) или деградацию общества [4, с. 6]. Следовательно, в существующих концепциях взгляды на соотношение этих процессов разнятся: модернизация может иметь своим результатом качественную трансформацию, и наоборот.

Подводя итог, отметим, что однозначного понимания соотношения понятий «модернизация» и «трансформация» нет. В существующих в настоящее время трактовках модернизация нередко связывается с изменениями, соответствующими неким эталонам, шкалам, признаваемым в обществе. Здесь, на наш взгляд, явно прослеживаются идеи первенства одних социокультурных систем по отношению к другим (европоцентризм, позиционирование США как страны с передовой демократией и др.). Однако, учитывая российский опыт, мы уже понимаем, что к такого рода идеям нужно относиться очень осторожно. В частности, у России после распада СССР был образец для подражания, заимствования экономической и политической модели, но предпринятые усилия по изменению системы социальных отношений не дали в полной мере ожидаемого результата. Модернизация с ориентиром на общепринятые эталоны не удалась. Однозначного объяснения этому нет. Возможно, не были учтены национальные особенности и отсутствовало понимание закономерностей и механизмов социальных изменений. Например, сложность одновременного реформирования политической и экономической системы.

Опыт нашей страны наглядно показывает сомнительность применения одних и тех же образцов для всех обществ. Специфика же и масштабность изменений в современном мире еще более сужают поле действия единообразных шкал. Остро встает ряд вопросов. Что считать образцом, достойным подражания, перенесения из одной социокультурной системы в другую? Возможно ли создание эталонов политического, экономического развития? То, что сейчас оценивается как эталон, является ли оно на самом деле таковым?

Поиск ответов на эти вопросы требует понимания глобальных трендов изменения социальной жизнедеятельности. Например, растет разнообразие социокультурных укладов. Следовательно, трактовка модернизации как изменения в соответствии с некой общепринятой

шкалой улучшений сужает возможности использования данного понятия для научного осмысления существа процессов социальных изменений в современных реалиях: непонятно, кто и кому предоставляет образцы. Сейчас актуальнее говорить и думать о том, не кто кого догоняет, а кто предложит новые социальные образцы и практики. Понятие «трансформация» в данном случае представляется более корректным для осмысления существа, направленности социальных изменений в современных реалиях, поскольку новый тип социокультурного уклада находится в процессе становления и о каких-либо эталонах говорить пока нет возможности.

Кроме того, смысловые контексты понятия «модернизация» описывают скорее количественную сторону изменений, но через ее призму сложно рассмотреть ее качественные параметры. Например, можем ли мы говорить о модернизации семейных, религиозных отношений? При этом нельзя утверждать, что данный концепт отвергает качественную сторону развития. Современные исследователи ставят проблему расширения содержания данного понятия. Н.И. Лапин подчеркивает, что было бы ошибочным ограничивать содержание модернизации техническим и экономическим аспектами [5, с. 5]. Но поскольку в существующем понимании ярко выражена ее «современная» составляющая (а представление о современности опять же сопряжено со сравнением с существующими моделями, навязыванием образцов), это затрудняет использование данного концепта для осмысления существа социальных изменений в данный момент. Поэтому еще раз подчеркнем, что речь должна идти именно о трансформации как о качественных изменениях, не привязываемых к каким-либо шкалам.

В процессах социальных трансформаций человеческий капитал играет одну из ключевых ролей. Как бы ни трактовались глубинные факторы социальных изменений, рост производительности труда решил ряд задач по удовлетворению витальных потребностей (в еде, жилище), соответственно, энергия человека высвободилась для более активной творческой деятельности в других сферах. Кроме того, появилось и свободное время для ее реализации. Налицо изменение объективных условий жизнедеятельности, детерминировавшее изменение системы ценностных ориентиров и приоритетов общества.

Одним трендом развития в XX веке стал рост внимания к проблемам прав человека, но постепенно приходит и осознание того, что у социальных групп, индивидов помимо прав должны быть и обязанности. Другими словами, расширение поля деятельности и возможностей предполагает и рост встречных требований к индивиду со стороны общества. Иначе мы рискуем получить личность, ориентированную на потребление, с гедонистическими ориентациями, что небезопасно для общества.

Меняется представление о роли человека в социальных изменениях. Исследователи отмечают принципиальную значимость для протекания и результатов трансформационных процессов деятельности не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп [6, с. 197]. Тем более, что проблема качества российской элиты остается актуальной: в разные исторические периоды к ее недостаткам относили слабую выраженность национальных ориентаций, отсутствие понимания насущных потребностей страны, приоритет собственных интересов и др. В этих условиях массы могут стать источником новых идей и практик, задать образцы поведения и изменить сложившуюся систему социальных отношений, что довольно сложно для отдельных представителей элиты. П. Штомпка отмечает, что вклад обычных людей в социальные изменения ничтожен, но «в совокупности они могут дать мощный импульс» [1, с. 324]. Как фактор социальных изменений повседневная деятельность индивидов проявляется через кумулятивный эффект. Причем данный эффект «может быть результатом непреднамеренных действий очень многих микро- и мезоакторов, в одиночку преследующих свои прагматичные цели...» [7, с. 8].

Одновременно встает вопрос: а что будут воспроизводить массы? В любом случае, даже «ничтожный вклад» не появится на пустом месте. Он предполагает распространение в обществе характеристик личности, благодаря которым она своими действиями может задать конструктивную направленность трансформаций. И здесь уже вполне явственно обозначает себя необходимость обращения к концепту «человеческий капитал».

Проблема человеческого капитала разрабатывается и зарубежными, и отечественными исследователями (Г. Беккер, Т. Шульц, А. Маршалл, Дж. Коулмен, В.С. Голубев) [8; 9]. С.А. Кравченко говорит о необходимости «переоткрытия» человеческого капитала, расширения мировоззренческих и теоретических подходов к его изучению [10, с. 8].

Первоначальное понимание этого феномена как качеств работников, необходимых для улучшения показателей экономического производства, безусловно, сейчас выглядит неоправданно ограниченным. Неотъемлемой частью его содержания должны стать гуманистические ценности и ориентации, социальные компетенции. Исследователи пытаются найти баланс различных его составляющих. Например, человеческий капитал предлагается рассматривать как предпринимательские способности в широком смысле: умение совершенствовать и создавать новые рабочие места, структуры и виды деятельности, что, в свою очередь, дает «резервы для институционального обновления не только деловой среды, но и более широкой системы социальных институтов».²

В качестве ориентира в поиске новых подходов к трактовке данного феномена может рассматриваться высказывание П. Штомпки, которое не было посвящено проблеме человеческого капитала, но, по сути, дает отправную точку для понимания его сущностных черт и роли в социальных изменениях: «Общество — необычная область реальности, поскольку его судьба в значительной мере зависит от того, как люди видят общество, представляют его будущее, насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и как осознают общественные процессы» [1, с. 9]. Это высказывание еще раз напоминает нам о расширении требований, предъявляемым к социальным субъектам в современных условиях. Даже если конкретные индивиды не профессиональные ученые, они должны понимать основные тенденции развития и механизмы функционирования социальных процессов, институтов. Это может уберечь их от манипулирования со стороны других лиц, помочь увидеть предпосылки и направленность развития социальных процессов, дать понимание того, что каждый индивид может повлиять на происходящее в обществе.

Без широкого кругозора, некой социальной грамотности появляются вопросы типа «Почему мы так живем?». Не находя лежащего на поверхности ответа, они вызывают неудовлетворенность, агрессию и ведут к дальнейшему воспроизводству действий, способствующих сохранению существующей ситуации.

Особенность и сложность российской трансформации обусловлена тем, что помимо социальных изменений, вызванных глобальными трендами, в нашей стране продолжают процессы постсоветской трансформации. Их неотъемлемой чертой является длительная и глубокая аномия, обусловленная стремительным отказом от старых норм, институтов и более медленным становлением новых [4, с. 5]. Столь масштабные перемены требуют активизации множества ресурсов. Государство, традиционно игравшее роль двигателя реформ, не может справиться с решением всего комплекса социально значимых задач, так как требуются масштабные перемены на различных уровнях социальной организации, в том числе и в повседневном взаимодействии.

² Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / под ред. Я.И. Кузьмина, И.Д. Фрумина, П.С. Сорокина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — С. 26.

Наибольшую значимость имеют интеллектуальная и духовная составляющая человеческого капитала. Первая включает в себя знания о социальных процессах, операциональные возможности мышления, вторую содержательно наполняют гуманистические ценности. О необходимости реализации этих ценностей в повседневных действиях людей говорят передовые умы многих поколений, но до сих пор они не стали доминирующими образцами практики взаимодействия. По сути, концепт «человеческий капитал» актуализирует проблему объединения теоретических концепций и реальной жизнедеятельности [11].

Звучат высказывания о том, что ключевую значимость в модернизации экономики играет интеллектуальный капитал, особенно он важен для перехода к новым технологическим укладам². О необходимости обладания определенными знаниями об обществе говорится и в приведенном выше высказывании П. Штомпки. Но знание по своей природе является и интеллектуальным, и духовным явлением одновременно. Соответственно, интеллектуальная и духовная составляющие человеческого капитала дополняют друг друга. Например, способность адекватно воспринимать и творчески работать с информацией, получаемой из различных источников (учебные занятия, СМИ, знакомые и др.), предполагает не только операциональные возможности, она должна накладываться на определенные мировоззренческие ориентиры.

Человеческий капитал не есть нечто новое, чему еще предстоит появиться в нашей жизни. И сейчас общество обладает такого рода капиталом определенного уровня и качества. В связи с этим можно говорить о человеческом капитале не только как ресурсе социальных изменений, но и об обратной зависимости — если социальные изменения затормозятся или пойдут вспять, то это может привести к снижению качества человеческого капитала, что еще более обострит напряженность [5, с. 23].

Для определения роли человеческого капитала в механизме социальных изменений необходимо понимать, каким образом происходит его формирование. С одной стороны, этот процесс испытывает на себе влияние общества и связан с интериоризацией накопленного культурного опыта, с другой стороны, он выступает как результат самостоятельных усилий индивида (саморазвития, самообразования). Именно эти факторы определяют его повседневную деятельность.

Двойственная природа процесса формирования человеческого капитала усиливает творческое, инновационное начало и позволяет преодолеть инертность, характерную для процессов воспроизводства культурных норм. Кроме того, социальным структурам (институтам, группам), обладающим властным ресурсом, свойственна ориентация на сохранение существующего положения, что препятствует социальным изменениям как таковым или замедляет их темпы. Ресурс же человеческого капитала позволяет создать противовес этому.

В жизни общества возникают и ситуации, когда институты, имеющие ресурсы воздействия на индивидов, могут оказаться бессильны в решении жизненно важных задач, поскольку их деятельность не подкрепляется наличием на массовом уровне качеств, знаний, навыков также необходимых для реализации этих задач. Соответственно, нельзя утверждать, что человеческий капитал формируется исключительно благодаря личным усилиям. На начальных стадиях социализации мировоззрение человека формируется под влиянием социальной среды, в том числе и социальных институтов. Не случайно заговорили о необходимости реформирования российской школы, создания в ней нового образовательного

пространства.³ По сути, здесь и подразумевается создание условий для формирования новых качеств личности, навыков, которые остро необходимы нашему обществу, чтобы трансформировать существующие практики в различных сферах жизни. Но специфика этого феномена и в том, что он требует усилий и на индивидуальном уровне, благодаря этому возрастает вероятность того, что он может стать источником новых социальных образцов. Тем самым в механизме социальных изменений человеческий капитал может выступать и как источник инноваций, и как ресурс для подкрепления деятельности на институциональном уровне в условиях роста самосознания и социальной роли отдельного индивида.

Подводя итог нашим размышлениям, отметим, что концепт «человеческий капитал» актуализировался на фоне качественных изменений объективных условий жизнедеятельности. Произошло переосмысление роли личности в жизни общества, расширение не только ее прав и возможностей, но и одновременно обязанностей. Все это предполагает необходимость нового видения человека как социального субъекта. Если первоначально под человеческим капиталом подразумевались изменения в деятельности работников и вытекающие из них экономические выгоды, то сейчас пространство его действия распространяется на все сферы социальной жизни.

Человеческий капитал выступает как важная составляющая социальных трансформаций, в том числе воспроизводимых в социальных отношениях норм, практик. Эти трансформации ведут общество к качественно новому уровню человеческого капитала, когда индивиды приобретают новые характеристики и реализуют их в своей деятельности.

Смысл, вкладываемый в понятие «человеческого капитала», показывает представления общества о типе личности, который может гармонично существовать в современных условиях. Этот тип должен разделять определенные ценности, ориентиры, иметь способность реализовывать их в социальных взаимоотношениях, обладать пониманием, что может сделать отдельный человек для изменения той или иной ситуации.

При определении содержания человеческого капитала мы не можем машинально заимствовать опыт других сообществ — необходимо соотносить его с исторически сложившейся системой социальных практик и ориентиров.

Видение нами места человеческого капитала в механизме социальных изменений исходит из того, что он подкрепляет или/и компенсирует деятельность отдельных институтов, элит, способствует распространению передовых гуманистических идей, предложенных интеллектуальной, духовной элитой в массы.

Изучение актуального содержания человеческого капитала позволяет понять жизненные стратегии и логику социальных акторов, осмыслить бытующее ныне понимание базовых социальных механизмов, которые структурируют их повседневную деятельность, выявить установки, препятствующие на индивидуальном уровне трансформации социальных норм и практик российского общества, а также спрогнозировать возможные рассогласования между целями и способами их достижения.

³ Путин попросил распространить опыт работы в центре «Сириус» на всю школьную систему // ТАСС. 22 августа 2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12190613>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штомпка П. Социология социальных изменений: пер. с англ. под ред. В.А. Ядова / П. Штомпка. М.: Аспект Пресс. 1996. 416 с.
2. Подольская Е.А. Назаркин П.А. Модернизация — ключевой момент трансформации современного общества. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/81796/1/978-5-91416-007-1_2016-080.pdf <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-funktsii-vysshego-obrazovaniya-v-kontekste-novoy-obrazovatelnoy-paradigmy> (дата обращения: 5.03.2021).
3. Шпилев Д.А. Трансформация и модернизация в современном коммуникативном обществе. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Shpilev.pdf> (дата обращения: 5.03.2021).
4. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправых практик. *Общественные науки и современность*. 2001. № 5. С. 5–24.
5. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии. *Социологические исследования*. 2012. № 9. С. 4–24.
6. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Трансформационный процесс в России и институционализация неправых практик // *Истоки: экономика в контексте истории и культуры* / Редкол.: В.Я. Кузьминов, В.С. Автономов, О.И. Ананьин и др. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004. 583 с.
7. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. Статья 1. Социальные особенности и взаимодействия в проблемной институциональной среде. *Общественные науки и современность*. 2012. № 4. С. 5–23.
8. Голубев В.С. Структурная энергия жизни, человеческий капитал и факторы здоровья. *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 131–140.
9. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139.
10. Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей. *Социологические исследования*. 2013. № 5. С. 3–12.
11. Коморникова О.М. Человеческий капитал как фактор устойчивого развития в условиях современных социальных рисков. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2020. № 1. С. 151–158.

Komornikova Olga Mikhailovna

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia

E-mail: olya.orexovo@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5048-3627>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=855666

Human capital and social change

Abstract. The article deals with the problem of the relationship between human capital and social changes. The starting point for the analysis was various concepts of modernization and transformation. Based on the specifics of the current stage of society's development, the concept of transformation seems more appropriate for understanding the processes of social change, since it focuses on qualitative changes, the emergence of new social patterns. The concept of modernization is less acceptable, since it focuses on changes according to a certain accepted scale of improvements and can generate additional contradictions in determining the direction of social transformations.

An attempt is made to consider from the standpoint of a systematic approach the role played by human capital in determining the direction of social changes, the effective functioning of their mechanism.

The author emphasizes that human capital is not something new that society needs to create from scratch. The development of the conceptual foundations of its study began not so long ago, but the characteristics that make up the essence of its content have been spoken about for more than one century. Objective changes in social relations expand the list of these characteristics.

The concept of human capital allows us to more accurately identify the direction of social changes through the specification of personality qualities necessary for the transformation of the existing system of relations.

Its role in the mechanism of social change is twofold. Most often, it is spoken of as a resource of qualitative transformation, that is, without the dissemination of certain personality qualities at the mass level, transformational processes may become impossible. On the other hand, social changes that have already clearly identified themselves stimulate the development of human capital and the maintenance of its quality.

The study of this phenomenon allows us to understand the multilevel nature of the process of social change, to identify attitudes, ideas that prevent the transformation of social structures, relationships at the individual level.

Keywords: social changes; modernization; transformation; human capital; personality; values